

(Дмитрий Мурзин. «Клиническая жизнь»)

Рецензии

Дмитрий Мурзин. Клиническая жизнь: стихи. — Кемерово: «Примула», 2010.

Дмитрия Мурзина, несмотря на то, что живет он в Кемерово, ну никак не отнесешь к провинциальным или, если быть более корректным в данном определении, региональным литераторам. И вовсе не потому, что он окончил Литинститут и с полным правом может считаться «своим» в столичной тусовке. Дело в мировоззрении автора. «Малая» Родина плавно перетекает у него в «большую», и наоборот. Разумеется, в его стихах присутствует некий «кемеровский патриотизм», но лишь в той мере, в какой это обязательно для сибиряка. События в стране волнуют его не меньше, а может и больше, чем хроника новостей местного разлива. При этом он остается самим собой, и совершенно не думает впасть в кликушество, возомнив себя пророком, подобно краснодарцу Николаю Зиновьеву, много лет самоотверженно борющемуся против врагов земли родной с помощью чудодейственных рифм кровь-любовь, Россия-мессия и т. д. Гражданская тематика в наши дни вовсю эксплуатируется бездарными пиитами из числа патриотических «самородков», может быть поэтому так пронзительно звучат стихи Мурзина, лишённые патетики, но исполненные глубокого смысла и горечи:

Нехватка рук... Ну и так далее.
Рождаемость... И тем не менее.
Вот гастарбайтер из Молдавии.
Вот гастарбайтер из Армении.
А раньше, обрати внимание,
Припомни, веке в девятнадцатом
Пер гастарбайтер из Германии.
Шел из Италии. Из Франции.

В этом стихотворении сказано гораздо больше, чем в толстенных томах народных трибунов, пишущих в стиле «взвейтесь-развейтесь». Мурзин философ, а не политик. Оттого стихи его много сильнее и весомее тех, что огромными порциями публикуют журналы «Наш современник», «Молодая гвардия» и отчасти «Москва». Родина для него — не пустой звук, но загадочная страна, всякий раз возрождающаяся подобно птице Феникс:

Здесь повторы такие,
Без жеманства и фальши,
Что не сгинет Россия,
Коль не сгинула раньше.

Здесь пожнешь, что посеял,
Дышит все чудесами.
Здесь нырнувший в бассейне,

Что же касается доморощенных политиканов, обожающих складывать строчки в столбик и плакаться о горькой судьбинушке Руси, то Мурзин говорит о них четко и исчерпывающе, с оправданной ноткой презрения:

...Сбегал за литром с первого гонорара,
Не приходя в себя, стал «каким-то кем-то»,
И под фанфары с запахом перегара
Вносит в культуру свою нетрезвую лепту.
Угрюмо твердит, что мы впереди Европы,
Что нету такого ни в Старом, ни в Новом Свете,
Что накопили изрядный духовный опыт,
Чтоб передать его этим... как его... детям.
Держит ответ, не помня, о чем спросили.
Будет банкет - все остальное не важно.
Долго твердит, что страшно трезветь в России...
А пропивать Россию уже не страшно?!

Будь я составителем антологии современной гражданской поэзии, то первым делом включил бы в нее стихи Дмитрия Мурзина - как образец неподдельной, искренней любви к Родине. Впрочем, будет ошибочно судить о нем как об авторе исключительно определенного жанра, поскольку мы имеем дело еще и с тонким лириком, и, как я уже отмечал, философом. Стихов гражданской тематики у него не больше, чем у любого поэта (графоманов и профессиональных кликуш в расчет не принимаем), а вот почему они останавливают на себе внимание, что такое особенное им присуще - тема для отдельной, более объемной статьи. В «Клиническую жизнь» вошли избранные стихотворения, публиковавшиеся в Интернете, газетах, журналах, предыдущих книгах автора. И с каким удовольствием перечитываешь тексты, уже попадавшие тебе, допустим, на просторах Всемирной паутины:

Двое спят, заснув на полуслове,
Не договорив, не дошептав,
Переутомленные любовью,
Пере-пере-пере-перестав.
За стеною замолчала вьюга,
Снег идет в кромешной тишине,
Спящие в объятиях друг друга,
Мирно улыбаются во сне.
Ночь прошла, и посветлело небо,
На пол тень упала со стола.

Он проснулся и ушел за хлебом,
А она проснулась и ушла.

Мурзин великолепно владеет языком, поэтому даже не прибегая к каким-то замысловатым приемам, не «утяжеляя» искусственно слог, запросто выражает такие настроения и чувства, которые повергают в раздумья читателя, причем не только рядового, но и довольно искушенного:

Мы шли с тобой, как ходят только дети,
Ладонь зажав запальчиво в ладони,
Не чуя ни засады, ни погони,
Как водится, забыв про все на свете...

За кажущейся простотой этих строк - упорная работа не только души, но и мысли. Однажды у Есенина спросили: «Как писать стихи?» Он ответил: «Как можно проще - так труднее». Подтверждение этому высказыванию находишь, читая книгу Мурзина. Иной раз и удивляешься - ну что такого в том или ином четверостишии, какая в нем тайна, какое откровение? Однако легко запоминается после первого же прочтения и потом неожиданно всплывает в памяти, ассоциируясь с отдельными мыслями, ощущениями:

...Осень властвует в нашем дворе,
А душа еще грезит о лете...
В сентябре, октябре, ноябре
Человечек особенно смертен.

Данные стихи следует не просто читать. Над ними нужно думать. А современная поэзия в лице некоторых ее «звездных» представителей как раз отучает читателя от этого. И автор констатирует:

Мастер пропивает мастерство.
Домино. Костяшка «пусто-пусто».
Из запоя делает искусство.
Из искусства лепит мастерство...

Не буду строить из себя провидца и предрекать дальнейшую судьбу Мурзина, но, несомненно, это серьезный и самобытный поэт. К сожалению, не особенно раскрученный и известный разве что пишущей братии, да и то не всей. Но разве это главное? Главное - стихи:

Возьми меня в ночной абонемент.
Возьми меня в дозор, в разведку, в драку,
Возьми на мушку, выбери момент,
Убей как друга, или как собаку.
Прими меня в штыки или на грудь.

Возьми меня на сдачу, словно спички,
Как сотню грамм, закушай чем-нибудь.
Вот так раз пять - и я войду в привычку.

Мне кажется, обрати наши культуртрегеры внимание на Мурзина, устрой они ему «промоушн», дело приняло бы совсем другой оборот. Но культуртрегеры люди занятые; им нужно выбивать деньги из спонсоров, продвигать «форматных» авторов, налаживать связи и не забывать о себе любимых. Да он и сам это понимает, отводя себе скромное место на ниве нашей словесности:

...Я буду выступать то здесь, то там,
Вокруг меня — иные компоненты,
Аплодисменты, водка, суета,
И водка, и опять аплодисменты.
И так пройдут года. И много лет
Моя жена вздыхает тихо в спальне,
Где шарится ее региональный
Подвыпивший любимый компонент.
Или с ироничной апатией констатируя:
И стою, не сытый и не пьяный,
Неподвластный, не познавший власть.
У судьбы — две язвы, три изъяна,
Слава Богу, жизнь не удалась.

Но что такое удавшаяся жизнь творческого человека? Она, может быть, и удаётся-то тогда, когда кажется, что все пропало. Во всяком случае у поэтов.